

Моск. комсомолец - 2002 - 19 септ. - с. 7.

ЭКСКЛЮЗИВ

Вчера утром из ЦКБ выписалась Татьяна Лиознова. Нашего знаменитого режиссера, снявшего фильмы, давно вошедшие в золотой фонд отечественного кинематографа — “Три тополя на Плющихе”, “Семнадцать мгновений весны”, “Карнавал”, — встречали только главный редактор журнала “Кинопроцесс” Вячеслав Шмыров, все это время преданно ухаживавший за ней, да корреспонденты “МК”. Татьяна Михайловна недолго побудет дома и поедет в санаторий под Кубинкой. Выглядит она бодро, а когда начинает говорить о кино, глаза разгораются так, будто завтра на съемочную площадку. Но вот ходить ей еще тяжело — покачивается. Смеется, говорит: “Я только встану и уже лечу — хорошо, Слава всегда угадывает, в какую сторону меня сейчас поведет, тут же подхватывает”.

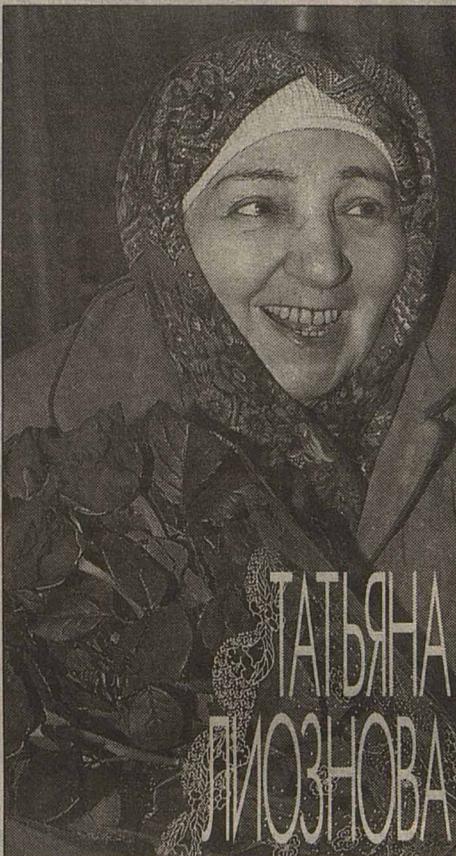
Ее больничная эпопея началась 3 июня 2002 года, когда на плановом осмотре в Чазовском центре ей неожиданно стало плохо и она прямо в коридоре упала в обморок. Ее перевели в Институт имени Бурденко, где сделали нейрохирургическую операцию, а когда она стала чувствовать себя лучше — в терапевтическое отделение при неврологии в ЦКБ №2, там мы ей и вручили букет от “МК” и немножко поговорили. Конечно же, наш первый вопрос был:

— Как вы себя чувствуете?

— Я себя чувствую как человек, который три с лишним месяца находился в руках врачей, очень хороших, но... Тем не менее это не пионерский лагерь. Вы знаете, я сама пока еще не понимаю, как я себя чувствую. Я рвусь в ритм, в котором я привыкла жить, меня начинают мотать, и я могу упасть. Вот сейчас еду на восстановление в санаторий имени Герцена. Вообще, восстановление после операции, по мнению врачей, произошло у меня быстро — они очень этому рады и меня хвалят. И я надеюсь, если я буду держать себя в руках и не разбалтываться, то там воздух и режим сделают свое дело. И надеюсь, что ноги меня будут носить как надо. Во всяком случае, врачи сделали все что могли, это я могу теперь засвидетельствовать задним числом, когда узнала, что было.

— Татьяна Михайловна, а кто вас навещал все это время, кто звонил?

— Первый позвонил Табаков, когда я попала в больницу, у которого дел свыше головы. Потом — Тихонов, Худиев. От Кобзона звонили очень встревоженно. Еще приходил певец Лев Барашков — он снимался в моей картине “Им покоряется небо”. А Наташа Гундарева, перед тем как мне лечь в больницу, еще первую, позвонила мне и проверила, все ли я с собой взяла, сказала: “Не забудьте халатик, зубную щетку и комнатные туфли”. (Смеется.) Это мне, которая объездила с чемоданом полмира — в экспедициях, на фестивалях, но это было так трогательно — обо мне давно никто такой заботы не проявлял, я была очень расстроена. И звонила сама из больницы и потом спрашивалась обо мне — и это делает ей честь. (Вопрос о переводе Лиозновой в НИИ Бурденко тоже решала Гундарева — через министра культуры Швыдкого, потом она же перевести ее в ЦКБ. А когда Матвиенко позвонила Гундаревой 28 августа поздравить ее с днем ро-

ГЕНАДИЙ ЧЕРКАСОВ

ВЫШЛА ИЗ БОЛЬНИЦЫ

и заявила, что ей не нравится, когда на нее наставляют пистолет

ждения, актриса снова заговорила о Лиозновой — попросила устроить ее в санаторий под Кубинку. — Авт.) Я же, перед тем как лечь, сама позвонила Наумову, президенту нашей кинематографической академии, действительным академиком которой я состою, и сказала: “Ты извини, что

так получилось, но я как только выйду, сразу подключусь”. И он потом даже не поинтересовался, как я.

— Татьяна Михайловна, когда вы стали поправляться, вы телевизор смотрели, газеты читали — следили за новостями?

— С газетами — сложнее, потому что нужно было спускаться вниз, пройти ступеньки... Но Слава мне приносил “Московский комсомолец”. Телевизор же работал беспрепятственно. Причем хирурги мои настаивали даже, чтобы я больше смотрела телевизор — чтобы мой мозг стал нормально жить после потрясения, которое он пережил, как и я. Чтобы он сочувствовал.

— И что же вы смотрели, если не секрет?

— Только последние известия, как-то увидела выступление Киркорова-старшего — он славно пел, по-человечески, душевно... Нет, душевно — нехорошее слово, фу какая гадость. Сердечно, скажем так. Еще видела несколько серий какого-то латиноамериканского фильма — “Семейные узы” или что-то в этом роде. Вы знаете, я отношусь с симпатией к такому кино, потому что оно нравственное — там все время кто-то с детьми нянчится, а ребенок — это свято. Что может быть более прекрасное, чем женщина беременная, вы подумайте. Это же чудо природы. Они это понимают. А мы, одна из передовых наций, перестали понимать. Я их смотрю с удовольствием — они меня не огорчают, не обижают убийствами и всем прочим, что у нас сейчас прямо через нос идет. Как вечер, так обязательно картина, где всех или убьют или перемажут кровью, и пистолет будет все время торчать с экрана. Ну зачем народу, который живет не такой прекрасной жизнью, не такой веселой и захиточной, ну зачем ему еще каждый вечер на ночь пистолет представлять... Я тут недавно звонила Эрнсту, просила его показать на День авиации “Им покоряется небо”. Раньше как праздник 8 Марта, так по телевизору обязательно “Евдокия” или позже уже — “Карнавал”. А на День авиации всегда была картина “Им покоряется небо” с Рыбниковым в главной роли, но потом про нее забыли. А это же документальная история создания реактивного советского самолета “МиГ-9”, и люди, которые строили самолет, участвовали в съемках. (Эрнст просьбу выполнил. — Авт.) Это же очень глупо, что картина, которая зовет не тусоваться и не в топ-модели, лежит на полке.

— А о чем бы вы сейчас сами сняли, если бы предоставилась такая возможность?

— Я сейчас об этом даже думать не могу. Вы, наверное, так же плохо, как и я сама, представляете, в каком я сейчас состоянии... Я сейчас только понемногу ходить начинаю: меня тут выводили гулять — на тележке немного проведут, на кресле, потом я сама пройду немножко, посижу на лавочке и снова пройду. Пока еще с ногами что-то не то.

До болезни же я думала о другом — звонила и Кобзону, и мэру, чтобы они помогли Театру Поллуны получить помещение в Москве, — ну хватит им в Лондоне сидеть, пора их забрать домой. Нет, кино пока не хочу заниматься. Во всяком случае, не как мой друг, сын моих друзей Павел Лунгин, — о жизни миллионеров, которым он очень сочувствует.

Елена СКВОРЦОВА—АРДАБАЦКАЯ.